

Максим ЖИХ

**ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ.
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
СЛАВЯНСКОГО ПОДВИЖНИКА
Часть II.
ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО
ЭТНОГЕНЕЗА В РАБОТАХ В.В. СЕДОВА***

Проблема происхождения и начальных этапов истории славян была одной из ключевых в научных поисках В.В. Седова, представляя собой основу его концепции истории славянского мира. Впервые в целостном виде взгляды учёного на проблему славянского этногенеза были сформулированы в 1976 г.¹ и с того времени последовательно разрабатывались им до последних лет жизни. Этой теме посвящены три монографических исследования учёного² и ряд его статей³, получивших широкое признание и выдвинувших В.В. Седова в число ведущих специалистов по славянскому этногенезу.

Отправной точкой в поисках истоков славянства для Седова стал вопрос об исторических условиях его выделения из среды индоевропейцев. По мнению учёного, славяне сформировались так же, как и другие европейские этносы – кельты, италики, германцы и т. д., – в результате распада древнеевропейской языковой общности, бывшей своего рода промежуточной ступенью между собственно индоевропейской общностью и отдельными ранними этносами Европы. Теория существования древнеевропейской языковой общности была сформулирована в середине XX в. немецким лингвистом Г. Краэ⁴. По его мнению, в ту эпоху, когда анатолийские, индоиранские, армянский, греческий и фракийский языки уже отделились от индоевропейского древа, начав своё самостоятельное развитие,

* Первую часть работы см.: Жих М.И. Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Часть I. Проблема славянского расселения в Восточной Европе и становления древнерусской народности в работах В.В. Седова // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. 2012. № 4 (30). С. 131-165.

предки италиков, кельтов, германцев, иллирийцев, славян и балтов какое-то время ещё сохраняли относительное диалектное единство, находясь в постоянных контактах друг с другом.

Эти выводы Г. Краэ в дальнейшем были подтверждены другими лингвистами. В.И. Абаев выявил ряд изоглосс в иранских и европейских языках, что указывает на контакты между древним ираноязычным населением юго-востока Европы и ещё не расчленёнными древнеевропейцами⁵. О.Н. Трубачев продемонстрировал, что славянская ремесленная терминология формировалась в условиях тесных контактов с италиками, германцами и кельтами⁶. Предки славян вместе с предками данных этносов составляли единую историко-культурную центральноевропейскую провинцию⁷. Очень важно, что балты в неё, как убедительно показал Трубачев, не входили, их языки выделились раньше, а их сближение со славянскими языками является вторичным⁸. Это полностью соответствует археологическим данным – древнейшие балтские культуры не входили в общность полей погребальных урн (Славяне в древности. С. 130; Славяне. С. 63).

Археологическим эквивалентом древнеевропейской языковой общности является, по вполне убедительному мнению В.В. Седова, историко-культурная общность полей погребальных урн, существовавшая в Центральной Европе в XIII-VIII/VII вв. до н.э. (Происхождение и ранняя история славян. С. 44-46; Славяне в древности. С. 95-135; Славяне. С. 39-48). В ходе её распада в середине I тыс. до н.э. выделились культуры, которые можно связать с отдельными европейскими этносами: западногальштатская культура (кельты), восточногальштатская (иллирийцы), ясторфская (германцы), культура эсте (венеты). Италики заселяют Апеннинский полуостров.

Славяне сформировались на основе северо-западной части древнеевропейской общности, представленной лужицкой культурой XII-IV вв. до н.э. Именно в её рамках проживали предки исторических славян (Славяне в древности. С. 120-128; Славяне. С. 58-63), а собственно первой славянской культурой является, по мнению Седова, культура подклёшевых погребений 400-100 гг. до н.э., сформировавшаяся на основе лужицкой культуры при участии мигрировавших на её земли племён поморской культуры, существовавшей на балтийском побережье и бывшей, по всей видимости, западнобалтской (Происхождение и ранняя история славян. С. 44-52; Славяне в древности. С. 136-148; Славяне. С. 69-79). При этом можно полагать, что язык «поморцев» ввиду соседства был близок и древнеевропейцам, возможно, представляя собой своего рода переходный диалект от балтских языков к древнеевропейским (Происхождение и

ранняя история славян. С. 47; Славяне в древности. С. 132; Славяне. С. 65).

Археологическая реконструкция становления славянского этноса, предложенная В.В. Седовым, очень важна в контексте объяснения балто-славянской проблемы. Как известно, одна группа лингвистов (В. Георгиев, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Г. Бирнбаум и т.д.) настаивает на существовании в древности балто-славянской языковой общности (или даже на выделении праславянского языка из балтского языкового ареала), а другая (А. Мейе, Б.В. Горнунг, С.Б. Бернштейн, С. Каралюнас, Х. Майер, А. Сенн, О.Н. Трубачев и т.д.) отрицает существование подобной общности, предполагая вторичное сближение изначально независимых славянских и балтских языков. И те и другие приводят в свою пользу серьёзные аргументы, а объяснить всю совокупность фактов так пока никому и не удалось. Это может указывать на какой-то очень сложный характер славяно-балтского языкового взаимодействия, который непросто однозначно описать современной лингвистике.

Возможно, гипотеза становления славян, предложенная В.В. Седовым, даёт ответ на эту загадку: изначально те диалекты, из которых развился в будущем праславянский язык, существовали обособленно от балтских в рамках древнеевропейской общности (лужицкая культура), а затем на них наложился какой-то окраинный западнобалтский диалект (поморская культура), привнесший ряд черт, которые объединяют славянские и балтские языки. Итогом стало окончательное формирование праславянского языка и появление праславянского этноса, археологически представленного культурой подклёшевых погребений, получившей своё имя по обычаю накрывать сложенные в глиняную урну остатки кремации умерших колоколовидным сосудом – клёшем.

Обычай этот существовал с самого раннего этапа функционирования данной культуры и постепенно становился в ней всё более популярным. Зародился он ещё в лужицкой культуре, но широкое распространение получил в подклёшевое время. В этой связи любопытно, что в славянской культуре горшок был неразрывно связан с культом предков: различные варианты захоронения кремированных останков в горшках-урнах хорошо известны по ряду позднейших достоверно славянских культур. При этом горшок представлял собой как бы «новое и вечное тело погребённого предка: недаром сам горшок с его горлом, плечиками, туловом в русском языке представляется антропоморфным»⁹.

Неукреплённые поселения культуры подклёшевых погребений, бессистемный характер застройки – обе эти черты характерны

для позднейших достоверно славянских культур. Жилища славян-«подклёшевцев» были двух типов: наземные прямоугольные постройки столбовой конструкции и полуземлянки подпрямоугольной или квадратной формы. В этих жилищах открыты очаги, выложенные из камней.

Основой экономики населения подклёшевой культуры были земледелие и скотоводство. Землю обрабатывали деревянными пахотными орудиями, железных наральников не обнаружено. Выращивали славяне-«подклёшевцы» просо, пшеницу, ячмень, горох, бобы, лён и т. д. Также они занимались охотой, рыболовством и сбором лесных плодов, но это в их хозяйстве играло подсобную роль.

В металлургии преобладали изделия из железа, но многое изготавливалось и из меди. Археологами обнаружены многочисленные булавки, ранне- и среднелатенские фибулы, ожерелья из стеклянных бусин, бронзовые шейные гривны в виде короны, биспиральные подвески и т. д. Некоторые вещи делались из кости и рога: иглы, проколки, накладки с орнаментом и т. д.

Могильники культуры подклёшевых погребений бескурганые, захоронения совершались по обряду трупосожжения. Захоронения известны как урновые (собранные с погребального костра остатки кремации помещались в урну и накрывались (не всегда) большим сосудом-клёшем), так и безурновые, но в обоих случаях кальцинированные кости обычно засыпались остатками погребального костра. На некоторых могильниках были выявлены следы кольев, вбитых вокруг могильной ямы: вероятно, над погребениями устраивались какие-то домовые сооружения из тонких стояков и плетневых стен. Кроме урн, в погребениях обнаружены немногочисленные сосуды-приставки (обычно два-три). Захоронения либо безынвентарны, либо малоинвентарны и содержат металлические булавки, кольца, фибулы и т. д. Бедность погребального инвентаря или его полное отсутствие – характерная черта славянского погребального обряда, отмеченная ещё Л. Нидерле.

Глиняная посуда культуры подклёшевых погребений отражает синтез лужицких и поморских традиций и отличается разнообразием. Её население изготавливало горшки яйцевидной формы (к ним относятся и клёши), округлобокие, амфоровидные, ситовидные сосуды, миски, кубки, крышки и т. д. Всё это делалось вручную. Гончарного круга славяне-«подклёшевцы» не знали. (Характеристику культуры подклёшевых погребений см.: Славяне в древности. С. 138-144; Славяне. С. 70-74.) В рамках культуры подклёшевых погребений появляется знаменитый впоследствии тип характерного пражского сосуда – высокого, расширяющегося в верхней части, со

слабо выраженными округлыми плечиками и чуть намеченным прямым венчиком¹⁰, метко названный Д.А. Мачинским «матрёшкой без головы», что указывает на преемственность славянской культурной традиции от культуры подклёшевых погребений до пражской культуры¹¹.

Идея В.В. Седова о культуре подклёшевых погребений как о древнейшей праславянской культуре находит всё большее признание в археологической науке. Становится всё более очевидно, что учёный был прав и именно от неё ведут своё происхождение все позднейшие славянские культуры¹². Соседями славян на данном этапе были западные балты на севере и северо-востоке и германцы на западе, от фракийцев они были отделены Карпатскими горами, а с ираноязычными этносами Северного Причерноморья соприкасались незначительно. Это хорошо согласуется с данными лингвистики, указывающими на языковые связи ранних славян с западными балтами¹³ и германцами¹⁴ и на отсутствие серьёзных соответствующих контактов с фракийцами и иранцами. Языковое взаимодействие с последними охватило лишь часть славянского мира (общеславянские заимствования из иранского - единичны), соответственно, не может относиться к начальному, «подклёшевому» этапу истории славян, живших тогда на весьма компактной территории. В контакт с ираноязычными этносами какие-то группировки славян вступили позднее, уже в период славянского расселения.

Территория, которую занимает культура подклёшевых погребений, идеально согласуется с первичным славянским ареалом, каковым он рисуется на основе данных славянской лексики¹⁵: «наличие (в славянских языках. – М.Ж.) многочисленных слов, относящихся к обозначению лесной растительности и обитателей лесов, озёр и болот при отсутствии терминов, обозначающих специфику морей, горных и степных местностей. Славянская прародина, или регион становления праславянского языка и этноса, согласно лексическим материалам, находился в лесной, равнинной местности с наличием озер и болот, в стороне от моря, горных хребтов и степных пространств» (Славяне в древности. С. 145; Славяне. С. 76-77). Стремясь соотнести реконструируемую по археологическим данным историю ранних славян с материалами лингвистики, В.В. Седов сделал вывод, что время культуры подклёшевых погребений соответствует первому этапу развития праславянского языка, выделенному Ф.П. Филиным¹⁶ (Славяне в древности. С. 144-145; Славяне. С. 76).

При этом важно оговорить, что именование носителей культуры подклёшевых погребений «славянами» является несколько условным, так как точное время и место возникновения этого этнони-

ма нам неизвестны. Как будет сказано ниже, впервые достоверно так именовались носители пражской культуры, но одновременно с ней существовала пеньковская, носители которой в письменных источниках именуются *антами* и не смешиваются со *склавиными* – «пражцами», хотя Прокопий Кесарийский подчёркивает, что говорили они на одном языке и имели общее происхождение. То есть этноним *словене/славяне* далеко не сразу утвердился как общее название всех славяноязычных народов, относясь первоначально лишь к одному из них. Поэтому надо иметь в виду, что этноним «славяне» применительно к древности и раннему средневековью имеет два значения: узкое – собственно *словене*, носители пражской культуры (Славяне. С. 295-323) и широкое – все славяноязычные народы независимо от их самоназваний. Под последнее значение подпадают и «допражские» славяне, называемые также праславянами, подлинные этнонимы которых нам неизвестны.

Как видим, Седов отстаивал западную – висленскую или вислодерскую – теорию славянского этногенеза, выдвинутую в первой половине XX в. польскими учёными Ю. Костшевским (на материалах археологии), Я. Чекановским (на материалах антропологии) и Т. Лер-Сплавинским (на материалах лингвистики). В СССР эта гипотеза не пользовалась популярностью: почти все советские археологи (кроме И.П. Русановой, вместе с Седовым разрабатывавшей концепцию западного происхождения славян¹⁷) и лингвисты (кроме В.В. Мартынова, также бывшего сторонником «западной» концепции¹⁸, и О.Н. Трубачева, отстаивавшего центральноевропейское, дунайское происхождение славян) доказывали восточное, днепровское происхождение славян. После работ К. Годловского и М. Парчевского в 70-90-е гг. к этому же склонилось и значительное число польских учёных. В такой историографической ситуации именно в работах В.В. Седова концепция западной, висленской прародины славян достигла своего наивысшего на данный момент развития. Учёный, будучи фактически «в осаде», сумел раскрыть её потенциал и показать её преимущества перед «восточной» версией.

Ещё в 1908 г. польский ботаник Ю. Ростафинский предпринял попытку определить ареал славянской прародины на основе флористической лексики славян и пришёл к выводу об её восточной локализации. Ключевое место в его построениях занял «аргумент бука»: поскольку название бука в славянских языках является заимствованным, следовательно, славянская прародина лежала вне пределов ареала его произрастания, восточной границей которого в то время считалась линия Кенигсберг/Калининград-Кременец-Одесса¹⁹.

Естественно, сторонники днепровской концепции славянской прародины стали активно использовать «буковый аргумент» в своих построениях, но уже к началу Второй мировой войны он окончательно рухнул: по мере накопления палеоботанических данных выяснилось, что в эпоху бронзы и железа восточная граница букового ареала лежала существенно западнее, чем предполагал Ю. Ростафинский, а потому никоим образом не может свидетельствовать против висло-одерской теории прародины славян: «В 30-е гг. окончательно была разрушена так называемая "буковая" аргументация днепровской прародины славян. Анализы торфа, взятые в торфяниках Великопольши и Польского Поморья, показали, что в конце эпохи бронзы и начале железного века в условиях суббореального периода бук был не известен восточнее Эльбы-Заале. Это стало дополнительным аргументом в пользу висло-одерской прародины славян» (Славяне в древности. С. 32).

Однако некоторые авторы до сих пор по непонятным причинам настойчиво эксплуатируют давно утративший свою силу в плане доказательства днепровской версии славянской прародины «буковый аргумент» Ю. Ростафинского, который, таким образом, приобрёл статус полноценного историографического мифа. Так, например, в своей вышедшей в 1997 г. статье «Рождение славян» археолог М.Б. Шукин, один из основных оппонентов В.В. Седова, использовал «буковый аргумент» как один из главных лингвистических аргументов против висло-одерской концепции прародины славян и в защиту своих собственных взглядов. По его словам, «в пользу ограничения обширной зоны "болотно-лесной" топонимики лишь ее восточной частью свидетельствует весьма весомый тезис, выдвинутый еще в 1908 г. польским ботаником Ю. Ростафинским и впоследствии неоднократно повторяющийся... Если выводы Ю. Ростафинского верны, то отсюда могло вытекать следующее: поскольку восточная граница распространения бука приходится приблизительно на линию Калининград-Одесса, то все процессы образования общеславянского языка должны были бы происходить к востоку от этой условной линии»²⁰. Иначе как историографический казус рассматривать это утверждение невозможно, а используется он как один из ключевых аргументов.

Сам М.Б. Шукин²¹ и его петербургские коллеги, в первую очередь Д.А. Мачинский²², ищут прародину славян в лесной зоне Восточной Европы - в ареале культуры штрихованной керамики и родственных ей днепро-двинской и юхновской культур, традиционно рассматриваемых большинством учёных как балтские²³. Основным аргументом этих учёных является «структурно-топологическая бли-

зость» указанных культур раннего железного века и древнейших достоверно славянских культур (пражской и пеньковской): бедность и «примитивность» керамики и вещевого инвентаря, отсутствие мисок при наличии слабопрофилированных горшков и т. д. Аргумент сам по себе очень шаткий: «сходство» между разными культурами никак само по себе не может указывать на родственность оставившего их населения. Тут играет роль целый комплекс факторов: природная среда, внешнеполитические условия (наличие или отсутствие контакта с более развитыми обществами), стабильность быта или её отсутствие (например, в условиях расселения) и т. д.

По справедливым словам И.П. Русановой, «именно "модель" культуры меняется довольно быстро в зависимости от конкретных условий, в основном от развития социальных и экономических отношений. Так, модель пражской культуры отличается от структуры культур роменской и Луки-Райковецкой и тем более не похожа по уровню развития на культуру Киевской Руси, но это ни в коем случае не свидетельствует о неславянской принадлежности всех этих археологических общностей. Таким образом, одного сходства моделей культур недостаточно для вывода об этнической преемственности между ними»²⁴. М.Б. Шукин, Д.А. Мачинский и их сторонники фактически исключили из рассмотрения такие понятия, как прогресс и регресс культуры, её революционное изменение, что в реальности наблюдается довольно часто.

Каких-либо иных аргументов, кроме весьма субъективно определяемого «сходства» между культурами, существовавшими в железном веке в лесной зоне Восточной Европы, и первыми достоверно славянскими культурами, М.Б. Шукин и Д.А. Мачинский фактически не приводят. Во-первых, сам процесс трансформации первых во вторые никак ими не показан, он просто постулируется, и этот постулат вызвал серьёзную критику специалистов, непосредственно занятых изучением культур лесной зоны железного века. А.А. Егорейченко в книге, посвящённой культурам (ранней и поздней) штрихованной керамики, отмечает, что попытка Д.А. Мачинского изменить их этническую атрибуцию с балтской на праславянскую – не что иное как «оригинальная, однако малоубедительная концепция»²⁵:

- выделенные Д.А. Мачинским черты «сходства» между ними не имеют однозначного этнокультурного значения; так можно утверждать родство между очень многими культурами, которого в реальности нет;

- хронологический разрыв между культурой поздней штрихованной керамики и пражской составляет не менее ста лет;

- продвижение носителей культуры поздней штрихованной кера-

мики на юго-запад, в направлении Прикарпатья, которое предполагал Д.А. Мачинский, археологически не фиксируется;

- говорить о «бедности» культуры штрихованной керамики на позднем этапе не приходится, как раз в этот период её вещевой комплекс отличается богатством и разнообразием, что не приближает, а отдаляет её в структурно-типологическом плане от пражской культуры;

- в культуре поздней штрихованной керамики городища были преобладающим видом поселений, в пражской культуре они единичны²⁶.

Во-вторых, не меньшее структурно-типологическое сходство и главное – прямая генетическая преемственность между частью полиэтничных пшеворской и черняховской общностей и позднезарубинецкими памятниками с одной стороны и пражской и пенковской культурами – с другой просто игнорируются М.Б. Шукиным и Д.А. Мачинским. В.В. Седов²⁷ и И.П. Русанова²⁸ проделали серьёзную работу по выделению славянских памятников в рамках полиэтнической пшеворской культуры, приведя ряд конкретных фактов, свидетельствующих о славянской принадлежности части её памятников и их связи с последующей пражской культурой. Их петербургские оппоненты по непонятным причинам начисто проигнорировали эту работу, не приведя никаких контраргументов.

Некорректно был использован М.Б. Шукиным и Д.А. Мачинским лингвистический материал. С одной стороны, они приняли как аксиому позицию той группы лингвистов, которая предполагает существование балто-славянской языковой общности, не обратив внимания на то обстоятельство, что другая группа лингвистов таковую отрицает, а с другой – проигнорировали тот факт, что славянские языки имеют наибольшее число сходжений с западнобалтскими, а не с восточнобалтскими, с носителями которых славяне встретились позднее, в период расселения по Восточной Европе. Последнее обстоятельство решительно свидетельствует именно в пользу «западной» прародины славян.

Всю территорию, занятую в железном веке культурами штрихованной керамики, юхновской и днепро-двинской, плотно покрывает слой балтской гидронимии²⁹, в которой нет никаких признаков «славянскости» или хотя бы «балтославянскости», что специально подчёркивал О.Н. Трубачев³⁰. При этом многие балтские гидронимы этого региона оформлены славянскими суффиксами, что указывает на то, что славяне, пришедшие на эти земли, застали тут балтское население и ассимилировали его. Таким образом, каких-либо серьёзных оснований гипотеза Мачинского-Шукина о «лесной» прародине славян не имеет.

Куда более перспективным оказался зарубинецкий вариант «днепровской» гипотезы славянской прародины, согласно которому исторические славяне ведут своё происхождение от зарубинецкой археологической культуры конца III в. до н.э. – середины I в. н.э. «Зарубинецкая» гипотеза славянского этногенеза, сформулированная В.Н. Даниленко³¹ и П.Н. Третьяковым³² и основательно развитая последним³³, развивается ныне целой плеядой учёных. К настоящему времени надёжно установлена следующая цепочка культурно-генетической преемственности: зарубинецкая культура – позднезарубинецкие памятники середины I – конца II в. н.э. – киевская культура начала III – первой половины V в. н.э. – пеньковская и колочинская раннеславянские культуры³⁴. Длительная эволюция с постепенной архаизацией ввиду потери контакта с более развитыми социумами объяснила разницу в структуре между зарубинецкой культурой с одной стороны и пеньковской и колочинской культурами – с другой, смущавшую М.Б. Щукина. Облик позднезарубинецких и киевских древностей стал близок культурам лесной зоны, что вовсе не означало смены населения, а указывало на то, что потомки зарубинецкого населения оказались в таких исторических условиях, которые привели к снижению уровня их культуры.

Казалось бы, после работ П.Н. Третьякова, Е.А. Горюнова, Р.В. Терпиловского, А.М. Обломского и других учёных восточная, днепровская концепция славянской прародины восторжествовала над западной, висленской, отстаивавшейся В.В. Седовым. «Таким образом, в процессе изучения памятников I-V вв. выяснилось, что реальные этнокультурные процессы были значительно сложнее, чем предполагали П.Н. Третьяков и В.Н. Даниленко. Тем не менее, общее их направление исследователям удалось очертить правильно. Современные представления о культурогенезе в Поднепровье достаточно резко расходятся с теорией о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в советской и российской историографии был В.В. Седов»³⁵.

Проблема, однако, в том, что такой вывод можно сделать, только если рассматривать зарубинецкую культуру в каком-то вакууме, как нечто замкнутое само на себя. Но ведь у неё тоже были истоки, которые ведут на запад, в Повисленье, и связаны именно с культурой подклёшевых погребений.

Спокойное развитие культуры подклёшевых погребений было прервано начавшейся около 400 г. до н.э. экспансией кельтов, которая охватила ряд регионов Европы и в III-II вв. до н.э. достигла славянских земель. Привела она в движение и германцев, которые продвигались на территорию «подклёшевцев» с запада и северо-запада. В результате сформировалась новая культура – пшеворская,

представлявшая собой сплав славянской культуры подклёшевых погребений и германских культурных элементов при мощном влиянии латенской культуры кельтов, а в южных регионах - и при их непосредственном участии (Славяне в древности. С. 149-200; Славяне. С. 79-125). В праславянском языке³⁶, в славянской этнонимии³⁷, в духовной культуре славян³⁸ обнаруживаются следы их тесных контактов с кельтами, что полностью согласуется с археологическими материалами пшеворской культуры (Славяне в древности. С. 157-165; Славяне. С. 86-92).

Сложный полиэтничный характер пшеворской общности привёл к длительной дискуссии относительно её этнической атрибуции. Одни учёные считали «пшеворцев» полностью или в основном славянами (Ю. Костшевский, К. Яжджевский, В. Шиманский и т. д.), другие – германцами (К. Годловский, М. Парчевский, М.Б. Шукин и т. д.).

В.В. Седов сделал справедливый вывод о том, что ни чисто германская, ни чисто славянская атрибуция этой культуры не может объяснить всего комплекса фактов (Происхождение и ранняя история славян. С. 60-63; Славяне в древности. С. 178-180; Славяне. С. 112-114). Пшеворская культура, по мнению учёного, – это сложная полиэтническая общность, единственно правильный путь в этническом определении которой состоит в разграничении в её рамках славянских, германских и иных элементов. По мнению ученого, перспективным является то направление поисков, которое ещё в 30-е гг. задал польский археолог Р. Ямка³⁹, обративший внимание на существенную разницу между урновыми и безурновыми пшеворскими погребениями: первые обычно характеризуются наличием значительного инвентаря, содержащего нередко и предметы вооружения, вторые - малоинвентарны или безынвентарны, не содержат предметов вооружения. Эти различия, очевидно, являются этнографическими, что позволяет связать их с двумя разными этносами: германским (урновые) и славянским (безурновые). Позднее о полиэтнической структуре висло-одерского региона, в котором в начале н.э. жили как славяне, так и германцы, писали и другие учёные (Г. Ловмянский, Г. Янкун, Й. Колендо и т. д.).

Седов продолжил работу, начатую Р. Ямкой, и показал, что урновые и безурновые захоронения характеризуются преимущественно разными типами лепной посуды и разным инвентарём (в урновых погребениях обнаружены предметы, не характерные для ямных захоронений: ножницы, ключи, замки, кресала и т. д.), а выявленные этнографические особенности концентрируются в пшеворском ареале неравномерно: германские преобладают на западе, а славянские – на востоке, в Повисленье, там, где пшеворская культура

формировалась на подклёшевой основе (Происхождение и ранняя история славян. С. 63-74; Славяне в древности. С. 180-198; Славяне. С. 115-122). Соответственно, можно говорить, что там преобладало именно славянское население.

Несколько иначе подошла к проблеме этнической дифференциации пшеворских памятников И.П. Русанова, попытавшаяся провести её не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам – погребениям и жилищам (см. работы, указанные в прим. 28). При некоторых отличиях, которые дал такой подход, в главном выводы исследовательницы совпали с выводами В.В. Седова: «Постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами»⁴⁰. Наблюдения В.В. Седова и И.П. Русановой о значительной доле славянского этнического компонента в рамках пшеворской культуры находят поддержку других учёных⁴¹.

Именно в бассейне Вислы, там, где в составе пшеворского населения преобладали славяне, римские авторы первых веков н.э. (Птолемей, Плиний Старший и Тацит) помещают венедов - этнос, от которого, согласно готскому историку VI в. Иордану, происходят все славянские народы (Славяне в древности. С. 179-180; Славяне. С. 122-123).

Не всё славянское население культуры подклёшевых погребений вошло в состав пшеворской общности. Значительная его часть в результате продвижения на славянские территории кельтов и германцев покинула свои исконные земли и двинулась на восток, где стала основным компонентом при формировании зарубинецкой культуры. Германцы под давлением кельтов тоже продвигались на восток и юго-восток, что нашло отражение в памятниках типа Харьевки⁴² и поянешты-лукашевской культуре⁴³.

В Среднем Поднепровье зарубинецкой культуре предшествовала скифская лесостепная («скифы-пахари» Геродота), а в Верхнем Поднепровье – милоградская. Из этих двух культур исследователи долго пытались вывести зарубинецкую⁴⁴, но сделать это проблематично: скифские лесостепные элементы проявляются преимущественно в среднеднепровском регионе зарубинецкой культуры, милоградские – в верхнеднепровском, а в полесском как первые, так и вторые незначительны. Соответственно, рассматривать указанные культуры можно только как субстрат зарубинецкой в отдельных регионах. Основная масса её носителей, принесших черты, придавшие своеобразие и единство зарубинецкой культуре во всём её обширном ареале, прибыла в днепровский регион извне.

В 1960 г. Ю.В. Кухаренко сделал вывод, что зарубинецкая культура

сформировалась в результате миграции с запада носителей культур подклёшевых погребений и поморской⁴⁵, которые тогда ещё слабо разграничивались, что было поддержано многими другими учёными⁴⁶. В дальнейшем стало ясно, что формирование зарубинецкой культуры было сложным процессом: при определяющей роли мигрантов из ареала культур подклёшевых погребений и поморской, ставших своеобразной «склейкой» зарубинецкого населения, определённую роль в её формировании сыграли и местные предшествующие культуры (милоградская и скифская лесостепная)⁴⁷.

Дабы вывести зарубинецкую культуру из круга славянских культур и тем поддержать свою идею о происхождении славян из более северных регионов Восточной Европы, попытку радикально пересмотреть вопрос о её происхождении и этносе носителей предпринял М.Б. Шукин, с которым были согласны его ученик В.Е. Еременко и Д.А. Мачинский. По мнению этих учёных, становление зарубинецкой культуры связано с волной миграции населения из ясторфского ареала, известного античным авторам под именем бастарнов. Эти пришельцы (германцы или какая-то этническая группа, близкая к ним) создали зарубинецкую и поянешты-лукашевскую культуры⁴⁸. Критики эта гипотеза не выдерживает:

- вывести зарубинецкую культуру из ясторфской германской совершенно невозможно, германские вещи в зарубинецком ареале весьма немногочисленны и никоим образом не определяют лиц этой культуры. По словам Е.В. Максимова, всю жизнь посвятившего изучению зарубинецкой культуры, элементы ясторфской культуры не оставили в зарубинецком ареале «сколько-нибудь заметного наследия»⁴⁹, с проникновением в регион германцев можно связать только памятники типа Харьевки, которые сильно отличаются от зарубинецких;

- отнесение зарубинецкой культуры к одной общности с достоверно бастарнской поянешты-лукашевской культурой также безосновательно. Фундаментальное исследование С.П. Пачковой, осуществившей системное сопоставление зарубинецкой культуры с латенизированными культурами Европы, показало, что она, во-первых, не связана своим происхождением с германской ясторфской культурой, а во-вторых, имеет независимое от действительно восходящей к ясторфской поянешты-лукашевской культуры происхождение и отличается от неё по ряду системных признаков, что не даёт оснований относить их к одной общности⁵⁰. Ранее на то, что зарубинецкая и поянешты-лукашевская культуры имеют совершенно разные истоки (первая – поморско-подклёшевые, вторая – ясторфские) указывал и В.В. Седов (Славяне в древности. С. 218-219);

- также нет оснований привлекать античные известия о бастарнах к определению этноса носителей зарубинецкой культуры: они локализуют данный этнос в Нижнем Подунавье и Нижнем Поднестровье – именно там, где располагалась поянешты-лукашевская культура (Славяне в древности. С. 218; Славяне. С. 135), более северные земли и их обитатели античным авторам просто не были известны.

Возможно, под именем бастарнов в античных источниках фигурирует весь огромный массив переселенцев из Центральной Европы в её восточные и юго-восточные регионы, приведённый в движение кельтской экспансией, по имени «племени», маршрут миграции которого шёл ближе всего к землям античной цивилизации. Это объясняет тот факт, что и славяне-«зарубинцы» в общей массе центральноевропейских мигрантов-«бастарнов» приняли участие в походах на Балканы, описанных Титом Ливием, где К.В. Каспарова обнаружила прототипы характерных зарубинецких фибул с треугольным щитком⁵¹.

Исторические судьбы «зарубинцев», о которых было сказано ранее, не оставляют сомнений, что среди изначально полиэтничного зарубинецкого населения («подклёшевцы» – славяне, «поморцы» – близкие к ним по языку западные балты, небольшие группы германского населения, носители скифской лесостепной культуры и «милоградцы», этническая принадлежность которых неясна) постепенно возобладал славянский этнический элемент, восходящий к культуре подклёшевых погребений.

Мог ли славянский этнический компонент в составе зарубинецкой культуры восходить не к «подклёшевцам», а к одной из местных её составных частей (скифам-пахарям или «милоградцам»)? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Во-первых, через определённую группу пшеворских памятников культура подклёшевых погребений связана с достоверно славянской пражской. Во-вторых, локализация прародины славян в Поднепровье едва ли возможна в свете лингвистических данных, согласно которым балты находились в непосредственном языковом контакте с иранцами и не были изначально отделены от них полосой славянских земель⁵², а на юго-западе своего ареала балты непосредственно контактировали с фракийцами (причём праславянский язык этот контакт не затронул, что указывает на то, что исходной балто-славянской общности не было)⁵³. На этих обстоятельствах справедливо акцентировал внимание В.В. Седов (Происхождение и ранняя история славян. С. 25-26; Славяне в древности. С. 69-70; Славяне. С. 27). В-третьих, в огромном антропонимическом фонде, который содержит эпиграфика античных городов Северного Причерноморья, не удалось выявить ни

одного славянского имени, на что обратил внимание ученый (Ранний период славянского этногенеза. С. 78). Это говорит о том, что в античное время славяне жили где-то в стороне от Северного Причерноморья.

При этом надо отметить, что часть потомков «зарубинцев» сохранила и своё балтское самосознание, восходящее, очевидно, к поморской культуре. Через почепские древности к зарубинецкой культуре восходят мощинские памятники, принадлежащие, очевидно, *голяди* русских летописей, жившей в верховьях Оки⁵⁴. Название *голяди* связано с античными *галиндами* и прусской *Галиндией*. Выше было сказано о том, что регион Верхнего Днепра насыщен балтскими гидронимами. Почти все они имеют восточнобалтский характер, но обнаруживается и небольшой пласт западнобалтской гидронимии – как раз в регионе проживания летописной *голяди*. Принести западнобалтскую гидронимию сюда могли только мигранты, а единственная известная по археологическим данным миграция из западнобалтского ареала в восточнобалтский – это переселение части «поморцев»⁵⁵, которые вместе со славянами-«подклёшевцами» заложили основы зарубинецкой культуры.

Подводя итог сказанному, отметим, что современные представления о культуuroгенезе в Поднепровье, сформулированные А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским и их коллегами, ставящими в центр зарубинецкую культуру, нисколько не противоречат теории о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в советской и российской историографии был В.В. Седов, а прекрасно вписываются в неё.

Другое дело, что, к сожалению, сам В.В. Седов несколько недооценил открытия и наблюдения своих коллег. Он отводил зарубинецкой культуре периферийное значение в славянском этногенезе, до последнего утверждая, что «собственно археологическим методом – ретроспективным – обосновать славянскую атрибуцию носителей зарубинецких древностей не представляется возможным» (Славяне. С. 134), что было уже явным анахронизмом. «Зарубинцев» учёный в ранних своих работах считал балтами⁵⁶, а позднее полагал, что они представляли собой особую группу населения, родственную как славянам-«подклёшевцам», так и западным балтам-«поморцам». Потомки «зарубинцев» в зависимости от ситуации вливались в ряды либо балтов, либо славян (Происхождение и ранняя история славян. С. 74-78; Славяне в древности. С. 219; Славяне. С. 135-136).

Такое неоправданно скептическое отношение Седова к месту зарубинецкой культуры в славянском этногенезе объясняется тем, что он не признавал славянской атрибуции колочинской культуры, счи-

тая её балтской, а для пеньковской культуры искал истоки в рамках полиэтничной черняховской общности, осмысление исторических судеб которой также занимает важное место в работах учёного. Соответственно, исследователь не признавал у зарубинецкой культуры прямых славянских потомков, и в этом он был не прав.

В.В. Седов основательно проследил по археологическим данным путь миграции готов от Балтики к Чёрному морю (Славяне в древности. С. 222-232; Славяне. С. 142-150). В первой половине I в. н.э. на территории южнобалтийской оксывской культуры появляются неизвестные здесь ранее каменные погребальные сооружения типа Одры-Венсеры, имеющие аналоги в Скандинавии, которые можно связывать с переселением готов, о котором повествует Иордан. На основе смешения переселенцев и «оксывцев» фомируется новая культура – вельбарская. Ее носители, готы, постепенно начинают продвигаться к югу, впитывая и вовлекая в своё движение часть пшеворских племён.

Иордан повествует, что, перед тем как вступить в Скифию, готы переправились через какую-то реку, названия которой он не приводит, после чего победили племя *спалов* (*Spali*) и завладели «Желанной землёй Ойум», окружённой болотами⁵⁷. Судя по археологическим данным, река, через которую переправились готы, – это Висла: расселение носителей вельбарской культуры шло из левобережных районов Нижнего Повисленья (Славяне. С. 147). «Желанная земля Ойум» (готское *Aujom* (*Oium*) – «страна, изобилующая водой») – это Волынь и соседние с ней районы Мазовии и Подлясья (Славяне в древности. С. 228; Славяне. С. 147). Показательно и весьма некрасиво, что Д.А. Мачинский и С.В. Воронятов в своей недавней статье (её замысел Д.А. Мачинский обсуждал с М.Б. Щукиным до его смерти, поэтому его имя также было поставлено в числе авторов статьи⁵⁸) повторяют вывод Седова относительно локализации Ойума на Волыни без ссылки на своего предшественника и без упоминания о нем⁵⁹, хотя едва ли возможно, чтобы его работы были им неизвестны.

Спалы Иордана, которых победили готы, по всей видимости, были славянами, жившими на Волыни, – носителями зубрицких (волыно-подольских) древностей (Славяне в древности. С. 228; Славяне. С. 146-148). Последние сложились в этом регионе на основе пшеворской культуры при смешении её с группами «зарубинцев», мигрировавшими сюда после упадка классической зарубинецкой культуры⁶⁰. По археологическим материалам отчётливо видно, что при вторжении «вельбарцев»-готов на Волынь в конце II – начале III в. славяне постепенно перемещались к югу, в Поднестровье, где ко-

личество их поселений росло, в то время как на севере, на Волини, они исчезли, здесь распространилась вельбарская культура⁶¹. Эта археологически фиксируемая картина хорошо согласуется со сведениями Иордана о победе готов над *спалами* при покорении Волини-«Ойума».

Этноним *спалы*, очевидно, связан со славянским «исполин»⁶². В преданиях многих народов говорится о том, что некогда землю населяли мифические великаны, на смену которым пришли обычные люди. Нередко так тот или иной народ осмысляет историю своей борьбы с какими-то древними сильными врагами. Славяне, к примеру, так осмыслили свою борьбу с аvaraми. В «Повести временных лет» пересказано славянское эпическое сказание о войне между аvaraми и дулебaми, в котором аvarы наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми⁶³. Аналогично и «в старопольской традиции аvarы-обры наделались обликом допотопных – доисторических – исполинов»⁶⁴. Видимо, в готском эпосе в качестве древних великанов, противников готов, рассматривались славяне. Альтернативное объяснение этнонима *спалы* через связь его со *спалеями* (*Spalaei*) Плиния, на наш взгляд, куда менее обосновано: *спалеи* античного автора – скорее всего, какой-то ираноязычный этнос, проживавший где-то в Приазовье, в то время как *спалы* Иордана – на Волини. Видимо, мы здесь имеем дело лишь с омонимичными названиями, не имеющими между собой связи.

По справедливому замечанию В.В. Седова, «в настоящее время почти все исследователи разделяют мысль о полиэтнической структуре носителей черняховской культуры. Дискуссия ведётся о главенствующей или доминирующей роли того или иного этноса в становлении и развитии этой культуры» (Славяне в древности. С. 243). Сам ученый прослеживает в разных её регионах разные этнографические традиции: сарматские, пшеворские, германские и т.д.⁶⁵

Появление славян в черняховском ареале Седов связывает с миграцией на юго-восток пшеворского населения, которое, по его мнению, сосредоточилось в двух регионах. Один из них – это район верхний Днестра (Славяне в древности. С. 270; Славяне. С. 186-187), куда ушли под натиском готов с Волини славяне – носители зубрицких древностей, где сложилась группа памятников типа Черепин-Теремцы⁶⁶. Эти славяне вошли в состав полиэтнической черняховской общности, сохранив свои этнографические особенности. Преобладание славян в верхнеднестровском регионе черняховской культуры ныне не вызывает особых сомнений⁶⁷.

Сложнее обстоит дело с другим черняховским регионом, который, согласно В.В. Седову, связан со славянами, – подольско-днепров-

ским. По мнению учёного, здесь также наблюдается концентрация пшеворских элементов, перемешанных с сарматскими, что отражало процесс славянизации сарматов, представляющий собой археологический эквивалент славяно-иранскому симбиозу, который, по мнению ряда лингвистов и историков, пережили предки восточных и южных славян накануне славянского расселения⁶⁸. Именно в III-IV вв., по мнению Седова, в условиях славяно-иранского симбиоза в рамках подольско-днепровского региона черняховской культуры сформировались *анты*, название которых восходит к иранскому слову со значение «конец»/«край»⁶⁹ (Происхождение и ранняя история славян. С. 92-100; Славяне в древности. С. 270-282; Славяне. С. 186-198), а их пеньковская культура VI-VII вв. является прямой наследницей подольско-днепровских древностей черняховского времени (Происхождение и ранняя история славян. С. 122; Славяне в древности. С. 316-318; Славяне. С. 203-207). Роль же киевской культуры в процессе сложения пеньковской, по мнению учёного, была незначительной (Славяне. С. 141).

Эти положения В.В. Седова на современном этапе вызывают критику его коллег:

- исследованиями последнего времени (они перечислены в прим. 34) показана решающая роль именно киевских древностей в формировании пеньковской культуры, о том же говорит её ведущий исследователь О.М. Приходнюк⁷⁰. Остатки черняховского населения вошли в состав «пеньковцев» только как субстрат;

- многие культурные элементы в подольско-днепровском регионе, которые В.В. Седов связывает с пшеворской культурой, другие специалисты связывают с готской вельбарской культурой⁷¹. Многие культурные элементы в черняховском ареале, которые раньше учёные, на работы которых опирался Седов (Г.Ф. Никитина, Н.М. Кравченко, В.В. Кропоткин), относили к пшеворской культуре, более поздние исследования позволили связать с выделенной впоследствии вельбарской культурой;

- ряд славянских памятников в черняховском ареале, которые Седов рассматривает как восходящие к пшеворским традициям, на самом деле связаны с киевской культурой (Хлопков и т. д.).

Эти контраргументы имеют свой резон. В.В. Седов, к сожалению, существенно недооценил вклад киевских древностей в становление пеньковской культуры и преувеличил значение в этом процессе черняховских памятников, которые были лишь субстратом, равно как и саму долю черняховских древностей со славянской пшеворской традицией в подольско-днепровском регионе, где она, видимо, была весьма скромной, а преобладали в этом регионе готские древности типа Косанов⁷². Соответственно, славяно-иранский симбиоз,

по всей видимости, имел место не в черняховской культуре, а на южной окраине киевской культуры или даже в постчерняховское время в период становления пеньковской культуры – после нашествия гуннов туркизация южнорусских степей произошла далеко не сразу, весьма значительное время здесь по-прежнему проживали большие массивы иранского населения, игравшего важную роль даже в период существования Великой Болгарии⁷³.

Исключительно важное значение имеют наблюдения Седова относительно генезиса пражской культуры (Происхождение и ранняя история славян. С. 114-117; Славяне в древности. С. 290-296; Славяне. С. 307-311). До его работ были выдвинуты две версии генезиса этой культуры. По мнению ряда польских учёных (Й. Костшевский, К. Яжджевский, З. Хильчерувна, В. Шиманский), поддержанному И.П. Русановой, она восходит к славянским памятникам пшеворской культуры⁷⁴. По мнению В.Д. Барана, становление пражской культуры происходит в Верхнем Поднестровье на основе черняховских памятников типа Черепин-Теремцы⁷⁵, которые, впрочем, тоже восходят к пшеворской культуре, и оттуда она постепенно распространяется на другие территории.

В.В. Седов сделал справедливый вывод о том, что две эти гипотезы не исключают, а взаимодополняют друг друга, и в качестве региона становления пражской культуры определил всё обширное пространство от верховий Одера на западе до верховий Днестра на востоке (Славяне в древности. С. 290-296; Славяне. С. 307-310). После гибели провинциально-римских пшеворской и черняховской культур в результате гуннского нашествия входившее в их состав славянское население пережило процесс интеграции, в результате которой и образовалась новая культурная общность – пражская культура. Ее носители первоначально и назывались этнонимом *словене* – «ясно говорящие»⁷⁶. Исторические условия возникновения этого этнонима нам пока не ясны. Вероятно, он родился в условиях противостояния славян какому-то иноэтничному окружению – возможно, в условиях столкновения славян с кельтами и германцами в ходе их наступления на славянщину в период культур подклёшевых погребений и пшеворской. В дальнейшем этот этноним распространился на весь славяноязычный мир. С конца V в. начинается активное расселение носителей пражской культуры по соседним регионам, в результате которого она распространилась на огромной территории.

При этом количество пражских памятников существенно уступает количеству пшеворских⁷⁷. Это указывает на то, что в ходе бурных событий эпохи Великого переселения народов Повисленье покинули значительные массы славянского населения⁷⁸. В.В. Седов показал,

что в середине I тыс. н.э. из-за ухудшения климата и нестабильной ситуации они ушли из этого региона на северо-восток, где создали культуры длинных курганов, браслетообразных сомкнутых височных колец и новгородских сопок. Об этом подробно говорилось в первой части настоящей работы⁷⁹.

В последние годы И.О. Гавритухиным была выдвинута новая гипотеза генезиса пражской культуры, согласно которой её становление произошло в бассейне Припяти во второй половине IV в., по всей видимости, на основе каких-то позднезарубинецких групп, и оттуда она начала постепенно распространяться на юг и запад⁸⁰. Эта гипотеза вызывает серьёзные вопросы. Во-первых, не понятно, как мог живший на маленькой территории небольшой этнос (поселений IV в. и предшествовавшего времени в Поприпятье известно очень мало, что указывает на небольшую плотность населения) в течение весьма непродолжительного времени заселить огромные территории и «переварить» их население. Во-вторых, эта гипотеза не объясняет существования пражской керамики в рамках пшеворской культуры, перерастания памятников верховий Днестра и некоторых пшеворских регионов в пражскую культуру (Славяне в древности. С. 290-296).

По всей видимости, гипотеза И.О. Гавритухина не противоречит выводам В.В. Седова относительно генезиса пражской культуры на широкой территории как следствия процесса интеграции разных славянских групп в условиях крушения провинциально-римского мира, а прекрасно вписывается в них, просто северо-восточную границу этого процесса следует отодвинуть до Припяти.

Таким образом, процесс сложения пражской культуры рисуется ныне как интеграция оставшегося в Северном Прикарпатье славянского населения пшеворской и черняховской культур, представленного памятниками типа Черепин-Теремцы, и живших к северу от него вплоть до Припяти позднезарубинецких групп. В условиях краха провинциально-римского мира исчезли различия между разными группами славян, жившими в составе разных провинциально-римских культурных образований (или вне их), исчезла «вуаль», отделявшая одних славян от других в глазах археологов (например, специфическая керамика, производившаяся в специализированных ремесленных центрах и распространявшаяся по всей территории пшеворской и черняховской культур и придающая им единообразие), и сформировалась единая пражская культура, объединившая славян на большой территории.

На основе северной части славянских древностей пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура (Происхождение и ранняя история славян. С. 136-137; Славяне. С. 328-329). Она

резко отличается от пражской по характеру домостроительства: для пражской культуры характерны жилища-полуземлянки, а для суковско-дзедзицкой – наземные дома с подпольными ямами (Происхождение и ранняя история славян. С. 114-115; Славяне. С. 306. Рис. 62). Это никак не позволяет выводить вторую культуру из первой, как это делают некоторые авторы⁸¹.

Интересно, что аналогичное разделение по типу жилищ наблюдается и в восточнославянском ареале: на севере Восточно-Европейской равнины, в заселении которой славянами сыграли решающую роль выходцы из пшеворского Повисленья, были распространены наземные жилища, южнее – полуземлянки⁸². Данное обстоятельство в совокупности с рядом иных этнографических маркеров дало В.В. Седову основание отнести суковско-дзедзицкую культуру и культуры севера Восточно-Европейской равнины (длинных курганов, сопок, браслетообразных височных колец) к единой венедской группе славян, сформировавшейся ещё в пшеворскую эпоху (Славяне. С. 324-402). Эта группа была соотнесена учёным с одной из двух древнейших диалектных единиц праславянского языка, которую выделили лингвисты и в которую входили предки лехитов и северных русских (Первое членение славян на две диалектные области).

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что, несмотря на отдельные уточнения, изменения, дополнения и даже пересмотр некоторых звеньев, общая схема славянского этногенеза, реконструированная Седовым, вполне выдержала испытание временем. Ныне общую схему славянского этногенеза и славянского заселения Восточно-Европейской равнины можно представить так:

1) Как нам известно из исследований О.Н. Трубачева, носители праславянских диалектов, выделившиеся из индоевропейского массива, находились в контакте прежде всего с праиталиками, пракельтами и прагерманцами. В частности, совместно с предками носителей названных языковых групп (но без балтов!) праславяне выработали ремесленную терминологию. Судить о том, с какими именно археологическими культурами связаны все пертурбации периода разделения индоевропейского массива, сейчас едва ли возможно, но на этапе существования древнеевропейской общности мы можем искать предков славян в рамках лужицкой культуры;

2) Около 550 г. до н.э. начинается миграция носителей поморской культуры (вероятно, говорили на одном из западнобалтских диалектов, близком языкам древнеевропейцев, с которыми они соседствовали) в восточные районы лужицкой культуры, заселенные, преимущественно носителями праславянских диалектов. Именно этот процесс постепенного включения носителей поморской куль-

туры в состав носителей культуры лужицкой и формирования на основе их смешения новой культуры подклёшевых погребений и привнёс в праславянский язык ряд черт, роднящих его с балтскими языками;

3) Именно культуру подклёшевых погребений (400-100 гг. до н.э.) мы уже достаточно чётко можем назвать достоверно древнейшей славянской, так как именно с неё начинается цепочка, приводящая нас к бесспорно славянским культурам раннего средневековья;

4) В ходе экспансии кельтов культура подклёшевых погребений подвергается латенизации, и на её основе с подключением западных соседей (германцев) складывается новая культура – пшеворская, просуществовавшая вплоть до великого переселения народов и окрашенная кельтским, а позднее римским влиянием. При этом западная часть данной культуры принадлежала преимущественно германцам, а восточная – преимущественно славянам. Сначала кельтское, а затем и римское влияние нивелировали их этнические особенности, что и позволяет говорить о единой культуре, но, тем не менее, по ряду признаков (особенности погребального обряда, лепная посуда и т. д.) они прослеживаются;

5) При этом часть праславян - носителей культуры подклёшевых погребений уходит на восток, где становится ядром сложения зарубинецкой культуры, с которой можно связывать первый этап славянизации балтского населения Восточной Европы. По мере стабилизации этой культуры в её рамках произошла славянизация как пришедших вместе с праславянами-«подклёшевцами» балтов, германцев и кельтов, так и автохтонов региона, чья этническая принадлежность точно не может быть определена;

6) Когда примерно в середине I в. н.э. зарубинецкая культура в своём «классическом» виде прекращает существование в результате сарматского нашествия и какого-то внутреннего кризиса, её носители уходят на север и постепенно распространяются на значительной территории Восточной Европы. Через некоторое время на основе ряда групп поздnezарубинецкого населения формируется киевская культура, которая со временем распространяется на большую часть постзарубинецкого ареала, отражая, видимо, сохранение своего самосознания потомками праславян-«зарубинцев». На основе правобережных поздnezарубинецких групп во второй половине IV в. складываются памятники Полесья, ставшие в дальнейшем одной из групп, составивших пражско-корчакскую культуру;

7) Праславяне-«пшеворцы» двигаются на юго-восток и осваивают Волинь и Верхнее Поднестровье, где при подключении поздnezарубинецких групп формируется зубрицкая культурная группа.

Позднее, под натиском готов, они отходят на юг, где создают памятники типа Черепин-Теремцы, вошедшие в состав черняховской культуры;

8) В результате гибели провинциально-римского мира в катаклизмах Великого переселения народов формируются новые славянские культуры. На основе киевской культуры возникают колочинская и пеньковская культуры. Носители последней заселяют значительную часть бывшего черняховского ареала;

9) Из-за неблагоприятного изменения климата и нестабильной ситуации периода великого переселения народов значительная масса славян-«пшеворцев» уходит из Повисленья на северо-восток, где совместно с представителями другой славянской группировки – продвигавшимися на север потомками носителей киевской культуры – создаёт культуры длинных курганов, сопок и браслетообразных височных колец, ассимилируя местных балтов и финно-угров;

10) В результате нескольких миграционных волн славянского населения из пшеворско-черняховского и зарубинецко-киевского ареалов в Среднем Поволжье формируется именковская археологическая культура (IV-VII вв.), носители которой впоследствии мигрируют в район Днепровского левобережья, где сыграют решающую роль в становлении волынцевской культуры;

11) Что касается генезиса пражско-корчаковской культуры, отождествляемой со *склави́нами* византийских источников, носители которой, очевидно, первыми стали звать себя *словенами*, то он, вероятно, представлял собой процесс интеграции ряда славянских группировок в условиях краха провинциально-римского мира. Это были пшеворские памятники Прикарпатья, черняховские памятники типа Черепин-Теремцы в Верхнем Поднестровье, позднезарубинецкие памятники припятского Полесья;

12) На основе северных районов славянской части пшеворской культуры формируется суковско-дзедзицкая культура, носители которой были ближайшими родственниками покинувших регион предков северной ветви великорусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

2. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; *Его же*. Славяне в древности. М., 1994; *Его же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

3. Вот основные из них: Седов В.В. Формирование славянского населе-

ния Среднего Поднепровья // СА. 1972. № 4; *Его же*. Ранний период славянского этногенеза; *Его же*. Славяне и иранцы в древности // VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1978; *Его же*. Славяне и кельты (по данным археологии) // IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1983; *Его же*. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Его же*. Становление и этногенез славян (по данным археологии и гидронимии) // XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. ИКЭФСН. М., 1993; *Его же*. Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. М., 1993; *Его же*. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V-VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996; *Его же*. Этногенез славян в древности и начале средневековья // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Проблемы славянской археологии. М., 1997; *Его же*. Славянский мир накануне распада языковой общности // XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Славянские литературы, культура и фольклор славянских народов. М., 1998; *Его же*. Славяне в римское время. Доклад для XIII Международного съезда славистов (Словения, 2003). М., 2003; *Его же*. Этногенез ранних славян // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7; *Его же*. Первое членение славян на две диалектные области // КСИА. 2004. Вып. 217.

4. *Krahe H.* Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954; *Его же*. Die Struktur der alteuropaischen Hydronymie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Bd. 5. Wiesbaden, 1962; *Его же*. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

5. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. М., 1956.

6. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

7. *Его же*. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

8. Там же. С. 18-35.

9. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 163.

10. *Русанова И.П.* Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 213.

11. Там же. С. 213-214.

12. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Она же*. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002. С. 70-98; *Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловский Р.В.* Похождения слов'ян. К., 1991. С. 25-27; *Баран В.Д.* Давни слов'яни. К., 1991; *Козак Д.Н.* Венеди. К., 2008. С. 12.

13. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 34; *Топоров В.Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный

съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 264-292.

14. *Мартинов В.В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшего периода. Минск, 1963; *Его же.* О надёжности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1969; *Его же.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 2004. С. 16-35.

15. *Будилович А.С.* Первобытные славяне по данным лексикальным. Ч. I-II. Киев, 1878-1882; *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 110-123.

16. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. С. 101-103.

17. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Её же.* Истоки славянского язычества. С. 70-98.

18. *Мартинов В.В.* К лингвистическому обоснованию гипотезы о Висло-Одерской прародине славян // ВЯ. 1961. № 3; *Его же.* Лингвистические методы обоснования гипотезы о Висло-Одерской прародине славян. Минск, 1963; *Его же.* Этногенез славян. Мова і міф. Мінск, 1993; *Его же.* Прародина славян. Лингвистическая верификация. Минск, 1998.

19. *Rostafinski J.* O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // SAU. XII. 1908. S. 6-25.

20. *Щукин М.Б.* Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997.

21. *Щукин М.Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1978. Вып. 28; *Его же.* Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; *Его же.* Рождение славян.

22. *Мачинский Д.А.* Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; *Его же.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // ТГЭ. 2009. Т. 49. С. 472-483; *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история.

23. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 113-189; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 11-36.

24. *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 195.

25. *Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006. С. 116.

26. Там же.

27. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. С. 53-74; *Его же.* Славяне в древности. С. 166-200; *Его же.* Славяне. С. 97-125.

28. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 201-215; *Её же.* Компоненты пшеворской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985; *Её же.* Компоненты пшеворской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-

славистов. Киев. Т. 4; *Её же*. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. Вып. 1. М., 1990.

29. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 10-11.

30. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 22.

31. *Даниленко В.Н.* Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.

32. *Третьяков П.Н.* Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // Советская археология. 1968. № 4.

33. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге; *Его же*. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; *Его же*. По следам древних славянских племён. Л., 1982.

34. *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981; *Терпиловский Р.В.* Ранние славяне Подесенья III-V вв. К., 1984; *Его же*. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Люблин, 2004; *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в I-II вв. н.э. М., 1991; *Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. М.; Сумы, 1991; *Его же*. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М., 2002; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 20-52, 106-122; Восточная Европа в середине I тыс. н.э.: Коллективная монография / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М., 2007; Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.): Коллективная монография / Отв. ред. А.М. Обломский. М., 2007; Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский; составители А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский. М., 2010.

35. *Арион О.В., Башкатов Ю.Ю., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* У истоков славянства (Вместо заключения) // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины. С. 110.

36. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. С. 94; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 45-49; *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. С. 35-46.

37. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 57-58 и сл.

38. *Rosen-Przeworska J.* Tradysje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1964. S. 54-254.

39. *Jamka R.* Cmentarzysko w Kopkach (pow. Nizki) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce Zachodniej // PA. 1933. T. V. Z. 1. S. 59-60.

40. *Русанова И.П.* Этнический состав носителей пшеворской культуры. С. 135.

41. См., напр.: *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 125-126.

42. *Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Посейм'я у латенський час // Археологія. 1994. № 3.

43. *Каспарова К.В., Максимов Е.В.* Культура Поянешти-Лукашевка // Сла-

вяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 85-95.

44. *Историографию см.: Поболь Л.Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. С. 175-182; *Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972. С. 116-129; *Его же.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 155-158.

45. *Кухаренко Ю.В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1.

46. *Мачинский Д.А.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИИМК. 1960. Вып. 107; *Каспарова К.В.* Зарубинецкий могильник Велемичи-II // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 66-67; *Её же.* Новые материалы могильника Отвержици и некоторые вопросы относительно хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 56-59; *Её же.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2; *Егорейченко А.А.* Древнейшие городища Белорусского Полесья. Минск, 1996. С. 70-73.

47. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. С. 213-220; *Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. С. 116-129; *Его же.* Зарубинецкая культура на территории УССР. С. 155-158; *Его же.* Происхождение и этническая принадлежность зарубинецкой культуры // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 36-39; *Пачкова С.П.* Участь місцевого компонента у формуванні зарубинецької культури // Археологія. 1999. № 2; *Её же.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К., 2006; *Седов В.В.* Славяне в древности. С. 201-205; *Его же.* Славяне. С. 125-129.

48. *Шукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 107-119; *Его же.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 58-61; *Еременко В.Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

49. *Максимов Е.В.* Происхождение и этническая принадлежность зарубинецкой культуры. С. 38. См. также: *Максимов Е.В.* Миграции в жизни древних славян // Славяне и Русь (В зарубежной историографии). К., 1990.

50. *Пачкова С.П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы.

51. *Каспарова К.В.* О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ. 1978. Вып. 18; *Её же.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2.

52. *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1967. С. 20; *Его же.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 51-52.

53. *Топоров В.Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. М., 1973; *Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968 (показано соседство фракийских и балтских гидронимов); *Его же.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 22-24.

54. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 46-47.
55. Там же.
56. Там же. С. 44-48.
57. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 70.
58. *Мачинский Д.А.* Рыцарь познания // Европейская Сарматия: Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Шукину. СПб., 2011. С. 13-14.
59. *Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В.* Готский путь, плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия. С. 249-255.
60. Об этой культурной группе см.: *Козак Д.Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї та Західному Побужжі. К., 1984; *Его же.* Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.; *Его же.* Венеди.
61. *Козак Д.Н.* Венеди. С. 211; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 125.
62. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8. С. 240-242.
63. ПСРЛ. Т. I. Стб. 11-12; Т. II. Стб. 9.
64. *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России. С. 178.
65. *Седов В.В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья; *Его же.* Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; *Его же.* Происхождение и ранняя история славян. С. 78-100; *Его же.* Славяне в древности. С. 233-286; *Его же.* Славяне. С. 150-198.
66. О ней см.: *Баран В.Д.* Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). К., 1981.
67. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 124-129.
68. *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // ВСЯ. 1962. Вып. 6; *Абаев В.И.* Провербы и перфективность. Об одной скифо-сарматской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964; *Его же.* Скифо-европейские изоглоссы; *Трубачев О.Н.* Из истории славяно-иранских лексических отношений; *Топоров В.Н.* Об одной славяно-иранской параллели из области синтаксиса // КСИС. 1960. Вып. 28; *Его же.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балтийский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. М., 1989; *Мартынов В.В.* Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Там же; *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира. М., 1999; *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 102-117.
69. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. С. 60.
70. *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998. С. 72-73.
71. *Шукин М.Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян (по поводу статей Э.А. Рикмана, И.С. Винокура, В.В. Се-

дова, И. Вернера) // СА. 1975. № 4. С. 63-67; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 115-117.

72. *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. С. 115-117.

73. *Галкина Е.С.* К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *SSBP*. 2011. № 1 (9).

74. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 202-215.

75. *Баран В.Д.* Общие черты культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни // Тез. докл. советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965; *Его же.* Черняхівська культура; *Его же.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // *Славяне на Днестре и Дунае.* К., 1983; *Его же.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). К., 1988; *Баран В.Д., Гопкало О.В.* Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. К., 2005.

76. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 93-94.

77. *Русанова И.П.* Славянские древности. С. 207.

78. Там же.

79. См. также: *Жих М.И.* К вопросу об этнической принадлежности кривичей. URL: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3403> (дата обращения: 4.05.2013).

80. *Гавритухин И.О.* Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; *Его же.* Начало великого славянского расселения на юг и запад // *АС*. 2000. Т. 1; Понятие пражской культуры // *ТГЭ*. Т. 49.

81. См., напр.: *Гавритухин И.О.* Понятие пражской культуры. С. 15.

82. *Седов В.В.* Север Восточно-Европейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // *КСИА*. 2005. Вып. 218. С. 19. Рис. 2.

**ПРИНЯТЫЕ В ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТЯХ РАБОТЫ
СОКРАЩЕНИЯ:**

- JGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien
PA – Przegląd archeologiczny. Poznań
RA – Rossica Antiqua. СПб.
RS – Rocznik slawistyczny. Wrocław etc.
RIGG – The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия)
SAU – Sprawozdania Akademii Umiejętności. Warszawa
SS – Suomen suku. Helsinki
SSBP – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб.
АО – Археологические открытия. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков
АС – Археологічні студії. Київ; Чернівці
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БСИ – Балто-славянские исследования. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВН – Вопросы национализма. М.
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания. М.
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ВРГНФ – Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДСИЯ – Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.
ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества. М.
ИКЭФСН – История, культура, этнография и фольклор славянских народов
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КСИС – Краткие сообщения института славяноведения. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛХ – Летописи и хроники. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НТ МПГУ – Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-политические науки. М.
ОИ – Отечественная история. М.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПГ – Псковская губерния. Псков
ПП – Псковская правда. Псков
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
СРИО – Сборник Русского исторического общества. М.
СС – Советское славяноведение. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
УЗ ИФ ЛГПУ – Ученые записки исторического факультета Липецкого государственного педагогического университета. Липецк.